

Как поймать птицу удачи

К юбилею Нонны Викторовны Мордюковой

что играть, не оказалось. Может, режиссеры пугались ее природной актерской стихии. Может... Что гадать?! А то, что сделано, — еще как сделано! Сотворено. Энное количество лет назад на пльвишем по Волге актерском фестивале "Созвездие" была устроена пресс-конференция (или круглый стол, или просто встреча) с Нонной Мордюковой. Нонна Викторовна делилась сокровенным. Тосковала — не просто по работе, не просто по новой роли. По работе, которая взяла бы ее всю и все бы ей дала — как единственная любовь. По роли, в которой она вся, со всем своим могла бы сказаться. Прошло время. Работа и роли случились, но не много их оказалось для такой мощной, яркой, блистательной актрисы. Британская энциклопедия "Кто есть кто" включила Нонну Мордюкову в десятку лучших актрис мира и века. Разглядели ведь — такую нашу. Издалека разглядели. Нынешней весной Нонне Мордюковой вручали "Нику" в номинации "Честь и достоинство". Актриса восседала в кресле на сцене. Красивая, величественная, царственная. Цветы, аплодисменты, проникновенные слова — все для нее. Для нее — любовь и признание народные.

Низкий поклон вам, Нонна Викторовна. В ваш день рождения. И всегда.

"Эс" публикует фрагменты той самой пресс-конференции на актерском "Созвездии". Нам бы хотелось, чтобы читатели услышали, именно услышали, произнесенный Актрисой горячий и откровенный монолог.

Елена УВАРОВА

"Хороший ты мужик, Андрей Егорыч, но не орел". Ах, как она это произнесла! Вроде бы так легко проговорила, словно выдохнула. Но сколько с этими словами выплеснулось — и затаенная обида бабуля, и исчезающая надежда на ответную любовь, и несостоявшееся счастье. Вышла из машины, наступила в вязкую мокроту:

"Ой..." — засмузилась. Это потом, когда никто не видел, дала волю чувствам.

"Жить без любви, быть может, просто, но как на свете без нее прожить...". Простая история.

"Простая история", "Чужая родня", "Председатель", "Отчий дом", "Женитьба Бальзамина", "Бриллиантовая рука", "Родня", "Они сражались за Родину", "Вокзал для двоих", "Комиссар". Всего около пятидесяти фильмов. Но имеет ли значение в данном случае количество?

Вряд ли. Каждая роль прожита, вынянчена, выстрадаана. Всей душой, всей судьбой, всем ее безмерным талантом. Хоть большая роль, хоть маленькая. Каждая уникальна.

Актерскую тайну не разгадать, она не поддается анализу. Можно попытаться "пересказать" словами жест, взгляд, смех, слезы, улыбку, интонацию, но не объяснить, как и из чего возникает актерское чудо. Тем более, если чудо творит актриса великая. А Нонна Мордюкова великая актриса.

Нет, если о количестве ролей, — то оно все-таки имеет значение. В данном случае. Ведь сколько несыгранного осталось. Сколько не сбылось. Не состоялось. Кино, наверное, было не слишком щедро к актрисе. Может, потому, что сценариев, в которых ей по-настоящему было

Я не признаю белого танца в кинематографе. Он у меня идет где-то рядом с любовью. С любовью мужчины и женщины. Мне все кажется, что вот я емь, и какие-то витают высокие материи и кто-то... как Вася-ка Катанян пришлет мне ночью письмо. Я пришла ночью, в ящичке — письмо. И такое он мне написал после очередного фильма, такие там слова, вы даже не представляете. И я думаю, вот кто-то будет ночью не спать и вспомнит и полюбит мое трудолюбие, мою пылкость, мою преданность кино, мою любовь, крутить этот кубик Рубика, химичить, искать, мучиться. Это уже у меня не отнять, я могу кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но это у меня не отнять. И все мне кажется, что какая-то птица летает и будет фильм, и будет приглашение, и буду я мучиться и пробоваться, и будет — все.

Поэтому позвонить мне самой какому-то режиссеру, это все равно, что предложить мужчине себя как женщину.

Вы только не понимайте меня так уж буквально, а то я сойду за городскую сумасшедшую. Я ведь не про романтические какие-то варианты говорю. Эта любовь в процессе, когда работаем, она совсем особенная.

Когда Григорий Наумович Чухрай стал пробовать на картину "Трясина" шестьдесят одну актрису!.. я, будучи с ним в дружеских отношениях, обходила его стороной. Хоть бы только он не подумал, что я хочу попасться ему на глаза. Так я воспитана. И когда я шла на пробы уже в шестой или в пятый раз, уже чуть не полкартины на пробах сыграв, я прямо рыдала. Но все равно шла и шла и была утверждена и сыграла, как вы знаете, эту роль.

Как я страдала, когда я не была в "Тихом Доне"!.. Я, мне казалось, и в искусство пришла, чтобы быть "Тихим Доном". Чтобы быть кем угодно: помощником режиссера или дедом каким-нибудь или самим Григорием Мелеховым. Кем угодно, но "Тихий Дон" — это я. И у меня совершенно не было в голове, что потом будут Канни-манни, — Боже сохрани! Это все было мертво и неинтересно. Самое главное, было обидно, что даже сам писатель, сам сценарист не понимал, кого он потерял в моем лице, не взяв меня на какую-то роль. К сожалению, у меня таких ролей несыгранных было много. А это были бы даже не роли — это жизнь. Это служение тем закоулочкам, тому аромату материала, которых даже сам автор не знает. Удивляется: "Где это ты там вычитала?" А мы еще и между строк читали. Мы были, служили.

Меня однажды Ефремов звал во МХАТ. Очень просил. Но пьеса была плохая. Я думала, если пойду, будет говорня кругом, рецензии. Вот, мол, Ефремов взял киноактрису — а пьеса плохая. Я тогда — как бы сказать? — была хамовитее, чем теперь. Решила: ну что там делать? Ну и что МХАТ, неинтересно мне — да и ладно. А другая бы, умная, сказала бы себе: сейчас я скромно сыграю эту рольку, а потом он на меня поставит "Марию Стюарт".

Вообще я в своей жизни виноватых не вижу. Нету у меня такого ощущения, что можно показать на какого-то дядьку пальчиком и сказать: вот он виноват в том, что ты за свою жизнь сыграла всего восемь — десять ролей, которые были действительно заметные и личные работы. Режиссеры, сценаристы — они ведь тоже вдохновением питаются. А мной не вдохновляются. Ну, не нужна я.

Мы — инструменты. Возьмите какого-нибудь мастерового: что ему нужно под правую руку в данный момент — то молоток, то пассатижи, то гвозди — он то и схватит. А тут вдруг — ух, вот этот кубик надо, Мордюкову, где бы только ни была. Как Рошаль — он так во мне нуждался, что даже написал телеграмму в другую картину, где я снималась: "Срочно высылайте Мордюкову, Волга перекрыта, полк ждет". И не было Волги ника-

кой. Был эпизод в огороде — я да Нифонтова. Когда хотят, так и дежурят, и найдут, не беспокойтесь. И в другой стране найдут, когда позарез. А не хотят — тут хоть убейся.

Мне предлагали преподавать. И в ГИТИСе и во ВГИКе, и в другой город просили ездить хоть два раза в месяц. Я никогда на это не соглашалась и не соглашусь, потому что я человек очень необъективный. Я не могу эти вот хитрости: ждать терпеливо пока девочка станет талантливее или скованность пройдет. У меня такой характер: или я буду ей платья шить, буду кормить ее, квартировать, или на следующий день выгоню. А чему я их могу научить хорошему? Замуж я выходила неправильно. Жизнь прожила не очень правильную. А профессия — как ее выучить? Она, по моему, даже частично неуловимая. Иногда уходишь из павильона, дежурная лампочка только остается, разбитая посуда, яблоко надкусанное, и думаешь: знали бы они, что тут сейчас творилось. Как все было алогично, как все непонятно и как все мокрые ушли и все довольны, что есть хороших два дубля.

Мордюкова Нонна
1937-30.11.05
(Москва)

Здрав и смена -